

Werner Müller-Pelzer, Dortmund, Deutschland

Internationale Konferenz an der Universität Togliatti:

Aktuelle Probleme der modernen Bildung: Erfahrungen und Innovationen

21.-22.12.2022

in: Aktuelle Probleme der modernen Bildung: Erfahrungen und Innovationen Kolloquium Universität Togliatti (21.-22.12.2022), Förderationskreis Wolga, Russische Föderation; Übersetzung ins Russische von Valentina Dwinskaja, Universität Petrosawodsk, Förderationskreis Nordwestrussland, Russische Föderation (2023).

Вернер Мюллер-Пельцер, Дортмунд, Германия

Опыт и креативность¹

Критика образования на констелляционной² основе

1. Европейское образование - опыт европейцев

Образование – это понятие, получившее распространение в Германии и России в конце 18-го века и воспринятое как дополнение к буржуазному воспитанию. Об этом историческом этапе не стоит вести речь, потому что напряженность между первоначальным опытом и застывшим образованием является центральной темой западных стран, а затем и европейской цивилизации. Известна сентенция Люция Аннея Сенеки *non vitae sed scholae discimus*³. Таким образом, римский стоик критикует то, что общественно-полезное структурирование знания – образование – в его время заглушило первоначальное знание, основанное на собственном опыте. На заре Нового времени отмеченный Декартом и Бэконом конфликт между исконным знанием, накопленным благодаря открытиям и опыту, с одной стороны, и отвлеченной формой в обучении, с другой, знаменует собой начало современной науки. Когда во Франции 18-

¹ В этом кратком изложении я не даю ссылок и примечаний - автор

² От «констелляция», т.е. взаимное расположение и взаимодействие чего-либо (все примечания, кроме «№1 и №7, принадлежат переводчику).

³ Мы учимся не для жизни, а для школы (лат.)

го века истинное знание открыто бросает вызов образованию, знание превращается в просвещение. Отношение между опытом и образованием является, таким образом, европейским цивилизационным типом.

Во времена глобализации эта европейская перспектива рассматривается политическими элитами Запада как знак отсталости: для современного образования глобальные интересы релевантны и должны включаться в канон научных ценностей. Добрых лет 20 тому назад, например, студентам заявляли, что «ключевыми компетенциями будущего» являются способность к коммуникации и командной работе, техники презентации и модерирования, обращение с современными информационными технологиями, межкультурные компетенции и знание иностранных языков, способность концентрировать и структурировать знания и информацию, а также учиться дальше самостоятельно. Уже и тогда больше не было речи о Европе. Поэтому мы для себя должны выяснить вопрос: возможно ли сказать о Европе что-либо релевантное, что было бы больше, чем обычное повторение уже известного? Этот вопрос содержит два неизвестных, не позволяющих ответить на него без дальнейших пояснений. Уточняющий запрос к адресату «*Для кого релевантное?*» заранее предполагает, что уже есть ответ на вопрос по существу: *'Что есть Европа?* Итак, сначала нужно прояснить этот вопрос.

В данном тексте не следует ставить знак равенства между понятиями *Европа и Европейский Союз*, вводящими в заблуждение и обусловленными экономическими и политическими интересами. При этом также не имеются в виду частичные аспекты, составляющие дискуссионные темы научных дисциплин и изложенные в политологии, социологии, правоведении, экономике или историографии. Скорее, здесь следует задаться практически-философским вопросом о том, насколько еще Европа затрагивает европейцев *аффективно*, касается их близко. Таким образом, вопрос не распространяется на *объективное* наличие обстоятельств, программ и проблем, по крайней мере, не в первую очередь. Гораздо больше речь идет о том, касается ли Европа лично меня как европейца *субъективно* и в какой степени, потому что этим определяются имплицитные и эксплицитные нормы, действие которых я испытываю на себе. Имплицитно: *У меня есть ощущение, что что-то так не делается.* Эксплицитно: *Это предписание нарушает право на самоопределение.* Если такое нормативное требование дает знать о себе *актуально*, то оно предполагает сенсификацию к характерной значимости европейского жизненного фона, поскольку иначе было бы непонятно, к чему относится требование. То, что при этом находит выражение по пунктам, – например, разрушение биосферы, – представляет собой, в конце концов, лишь лоскут лежащего в полумраке «ковра», являющегося существенным жизненным фоном Европы.

В этом отношении Европу пока что можно обозначить как *пререклексивное жизнеощущение*, которое распространяется на цивилизационный тип с

внутридиффузными, но характерными нормами, которые ощущаются имплицитно или же замечаются эксплицитно.

Поэтому исходный вопрос можно вновь сформулировать следующим образом: *Можно ли сказать о Европе еще что-нибудь существенное в качестве жизнеощущения, что было бы релевантным для образа жизни европейцев?* На этот вопрос можно ответить положительно в той степени, в какой необходимая сенсбилизация к появлению нормативных требований присуща респондентам. Инициатива 2018-го года «Школьная забастовка ради климата»⁴ основывалась на том, что Грета Тунберг была охвачена чувством «вопиющей» несправедливости. Факт необходимости подобной инициативы демонстрирует, с другой стороны, то, что сенсбилизация может перекрываться и забываться: во-первых, нужно подумать о блокаде аффективной резонансной способности, приводимой в действие политически ангажированными группами путем влияния на общественность; во-вторых, за это несут ответственность определенные ошибки в развитии истории философии, затрудняющие людям ориентацию в окружающем мире: такова оценка Германа Шмитца, основателя Новой феноменологии (<https://www.gnp-online.de/die-gnp/neue-phaenomenologie.html>). Чтобы придать более четкие контуры до сих пор еще туманному понятию европейского жизнеощущения, рекомендуется пересмотреть предпосылки, считавшиеся в истории философии само собой разумеющимися.

2. Наука против жизненного опыта

Гуманистическое образование ссылалось, как правило, на античных философов, в первую очередь, на Сократа, Платона и Аристотеля: наряду с другими духовными влияниями именно эти личности заложили фундамент европейской духовной жизни. Даже если гуманистическое образование больше и не задает тон, обращение к греко-римской традиции все еще остается составной частью официального «образа Я» Европейского Союза. При этом не обращается внимания на то, что эти греческие философы исказили и подорвали тот первоначальный цивилизационный тип, который сформировался в Греции с VI столетия до н.э. Новый, впервые возникший в Афинах имидж греческого полиса означал: вместо подчинения авторитету клириков и деспотов (как, например, в древних цивилизациях Египта, Вавилона и Персии), масштаб для индивидуальной и общественной жизни должно стать критическое самоопределение:

- Самоопределение (автономия) вместо чужеродных установлений (гетерономия): «Не хочу господствовать сам и не хочу, чтоб другие господствовали надо мной».
- Личностное становление (Пиндар: «Стань тем, кто ты есть!») вместо отчуждения субъективного (фаталистичность).

⁴ Или еще: «Пятницы ради будущего»

- Стремление сконцентрировать свои силы (Дельфийский оракул: «Познай себя!») вместо высокомерия (человек - господин мира) или же внутренней несостоятельности (самоуничтожение и капитуляция перед притязаниями власти). Под впечатлением от новых математических и физических открытий философы, со своей стороны, верили в возможность преодоления внешней оболочки мира и аналитического познания истинной сути вещей: греческий философ Демокрит, например, представил модель атомарного строения материи. Своим знанием они разрушали мифическую картину мира и предоставляли людям независимость от волнующей эмоциональной сферы и телесных побуждений (в ранней истории греков это символически выражается в борьбе конкурирующих богов). С этой целью Платон в качестве стержня человека конструирует разумную душу, каковой надлежит дисциплинировать и направлять смутные побуждения и своевольные устремления, чтобы реализовать самосознание и ответственность за собственную деятельность. Отдельно от этого должен находиться внешний мир, отмеченный радикальным физиологизмом. Многозначные впечатления жизненного опыта так отшлифовываются по образцу физических методов, что в центральном поле зрения остаются еще только точные предметы. Подобный радикализм вытеснил взвешенное самосознание («Познай самого себя!»): познание истинного отношения между искренностью и зависимостью от властных темных сил (телесные волнения, телесная коммуникация, сильные чувства, разнохарактерные ситуации) было принесено в жертву самообладанию (быть господином самому себе) и обладанию миром (быть господином в окружающем мире).

Сложившееся противопоставление бесстрастного субъекта и объекта остается и по сей день методической предпосылкой для наук, работающих с помощью этого позитивистского метода, т.е. ориентирующихся на естественнонаучную, идущую уже от античной физики объективность. Однако большая часть жизненного опыта людей остается, таким образом, недоступной пониманию: то, что затрагивает людей аффективно, не может быть повторено каждой личностью в любое время и в любом месте. Исходя из этой перспективы, ценой объективного знания является то, что субъективно значимый опыт сливается во «внутренний мир» и не смеет претендовать на истину. Эта односторонность физического метода, обостряясь, привела в Новое время к широкому констелляционизму: он базируется на допущении, что совокупная мировая материя состоит из отдельных элементов, которые скрепляются в сеть констелляций и допускают возможность новых произвольных связей. Результатом этого развития является тотальная дигитализация: утверждается, будто таким способом можно обработать весь опыт с помощью машин. Вопреки этому Герман Шмитц доказал, что этот путь ошибочен. Он проанализировал линию аргументации от редуционистского рационализма, психологизма и индивидуализма до современного позитивистского констелляционизма. Редуцированному таким образом наполовину и, следовательно, обедненному опыту он противопоставил возвращение целостного опыта живого человека. Ключом к этому служит *«Новое открытие тела в качестве*

философской темы»: более чем за 2500 лет оно исчезло, будто в ледниковой трещине. Телесный опыт, непосредственно ощущаемый каждым человеком, из-за свойственного естественнонаучному методу бесстрастного редуцирования превратился в предмет, самый чуждый для размышления: на высокой ступени абстракции, а именно в том самом сложившемся противопоставлении субъекта и объекта, исчезает субъективность, это значит, что речь идет о *моем* ощущении, о *моем* чувствовании. Поэтому Новая феноменология формулирует: субъективные данные - это примарные и богатые данные, объективные и обедненные данные существуют лишь тогда, когда на них направляется бесстрастный взгляд наблюдателя.

Поэтому вытекающая из этого программа ставит своей целью приблизиться к опыту с помощью новой и гибкой понятийной системы на более низкой ступени абстракции. Глядя из этой перспективы, восприятие является не столько регистрацией субъекта и объекта, сколько пререфлексивной кооперацией субъекта и объекта, настраивающихся друг на друга. Подобную кооперацию Шмитц называет «телесной коммуникацией». Но она не является достижением индивида, а возникает вместе с включением в общие ситуации. Первый онтогенетический опыт новорожденного ребенка является телесным вовлечением в многозначные впечатления незнакомой среды. Включение в общие ситуации определяет, кроме этого, и все последующие жизненные этапы: очень постепенно, нередко встречаясь со сложностями, ребенок и юноша приспосабливается к общим ситуациям, которые становятся успешными в процессе столкновения с незнакомой средой. В результате опыта все время приходится иметь дело с движением между бесстрастным размышлением и погружением в телесно воздействующие впечатления. Можно говорить о нередуцируемой амбивалентности⁵: личность является личностью лишь тогда, когда она одновременно и преперсональна, и телесна. Выражаясь по-другому: превращение в субъект предполагает опыт аффективной вовлеченности.

Исходным пунктом размышлений было историческое осознание того, что конкуренция между образованием и опытом относится к европейскому цивилизационному типу. Поэтому ввиду всеохватывающей глобализации всех сторон жизни возникает скептический вопрос: *Можно ли еще сказать о Европе что-нибудь существенное в качестве жизнеощущения, что было бы релевантным для образа жизни европейцев?* Поэтому необходимо выяснить, как нынче можно получить доступ к истинному опыту, релевантному для образа жизни европейцев, и, следовательно, не устаревшему из-за глобальных процессов. Удалось выяснить, что происходит усиливающееся возвышение констелляционного образования за счет истинного опыта, и поэтому требуется новое обоснования истинного опыта. Это случилось благодаря доказательству, что истинный опыт основывается на телесно-аффективном участии и требует проникновения в амбивалентность личной жизни. Шмитц называет правильное отношение к ситуации "герменевтическим интеллектом", а правильное

⁵ Амбивалентность (гр.-лат.) – двойственность, противоречивость

отношение к собственным телесным ощущениям (например, голод, жажда, усталость, ловкость, боль, стойкость, вождление, страх) и эмоциональной атмосфере (симпатия, антипатия, радость, печаль, гнев, стыд, довольство, меланхолия) - "телесным интеллектом" или также "мышлением без слов". В заключение следует продемонстрировать на конкретном примере, в какой степени субъективный опыт может привнести креативность в европейскую жизненную практику и каким образом благодаря этому можно поставить на место констеляционное образование.

3. Креативность: пример программы «Монтень»

Представление о прогрессе знания оформилось в нашем современном обществе по модели естественнонаучно-технической инновации. Используя указания для эксперимента и аппараты, о вещах, об отношениях между вещами, о человеческом состоянии и поведении добывается положительное знание, доказывающее свою научность тем, что его можно воспроизвести в любое время, в любом месте и с любым человеком. Однако этот абстрактный метод соответствует скорее эксплуатационным предпосылкам обучаемого робота, чем возникновению знания у живого человека. Человеческое обучение должно иметь материальные условия, т.е. оно происходит в индивидуальных и общих ситуациях и, как правило, в эмоциональной атмосфере. Благодаря этому само собой напрашивается: знание должно возникать заново в отдельном человеке. Напротив, нынешнее позитивное знание является редуцированным, «ополовиненным» знанием; применяемый здесь на практике прогресс знания (инновации) просто продолжает констеляционное знание и его систематизацию. С базирующимся на этой основе образованием целостный, рефлексивный и пререфлексивный опыт входит в конфликт. Технические инновации могут приносить пользу, но они не продвигают личность вперед ни в опыте поисков самости, ни в знании жизни. Наглядным примером служит процитированное выше обращение с Европой. В качестве конструкта и констелляций Европейский Союз может рекламировать инновации для себя, но для Европы как аффективного пространства они не имеют ни малейшей значимости. Единая валюта? Единые индустриальные нормы? Единые политические решения? Единые торговые договоры? Для ищущего аффективной ориентации европейца значение имеет лишь то, что затрагивает Европу в плане жизнеощущения, то, что называется *быть аффективно релевантным для жизненной практики европейцев*. Под этим подразумеваются те опыты, которые переживаемы телесно, которые накладывают отпечаток на телесную коммуникацию друг с другом и связываются эмоциональной атмосферой. Несмотря на противоречащие утверждения, это не относится к программе „Erasmus“⁶: её целью является мобилизация гуманитарных ресурсов на мировом рынке; но нет Европа-педагогической концепции. Человеческий опыт, скапливающийся в течение пребывания за границей, реализуется на ложной политической платформе. В противовес этому программа МОНТЕНЬ должна дать европейским студентам возможность в течение отпускного семестра в

⁶ Программа «Эразм» (Erasmus) — некоммерческая программа Европейского союза по обмену студентами и преподавателями между университетами стран-членов Евросоюза.

каком-нибудь европейском вузе врати в незнакомый язык и жизненную практику, чтобы открыть для себя на этом пути незнакомый стиль европеизации⁷. Благодаря такому контакту в их жизни возникает нечто новое: креативный контакт.

Субъективный подход к Европе может осуществляться различным образом; но европейские языки при этом всегда играют первостепенную роль: европейские национальные или же региональные культуры невозможно представить без соответствующих национальных или региональных языков. В любом случае ищущие ориентации студенты должны остерегаться того, чтобы неосмотрительно следовать какой-либо языковой политике. Языковая политика как часть политики руководствуется интересами власти, что особенно заметно на примере глобального английского: он превратился в катализатор глобалистских интересов, которые низводят литературные европейские языки до уровня разговорных (вернакулярных⁸) языков и удовлетворенно смиряются с медленной гибелью высокоразвитых европейских культур. Аналогичным образом также немецкий, испанский, французский и итальянский впрягаются соответствующими правительствами в работу с целью получения или же укрепления власти. Поэтому программа МОНТЕНЬ не предоставляет на выбор эти языки как целевые⁹. Скорее, обращение к какому-либо из оставшихся европейских языков может быть гарантией достаточной свободы от утилитаристских мотивов. Овладение каким-либо из малоизучаемых языков и вживание в малозначущую культуру открывает для молодых взрослых, у которых за плечами уже есть общепринятый опыт изучения языка, совершенно новую точку зрения на Европу. Встреча на уровне глаз, т.е. признание других в качестве равноправных вкладчиков в европейскую жизненную практику, создает предпосылку для аффективной нострификации¹⁰.

Программа МОНТЕНЬ – это нечто новое, потому что изучение специальности в течение Европа-семестра не производится. Кроме того, существует общение со студентами всех факультетов. Поэтому понятие компетенция получает также несколько иное значение, чем в контекстах, где речь идет об усилении символической и/или практической власти. Целевой язык сознательно изучается с нуля. Целью не является маневренность в международных организациях (предпринимательство, органы власти) и институциях (например, ООН, Всемирный банк). Так же мало Европа-семестр служит направленности на элаборацию¹¹ языкового и культурно-научного уровня (компетенция дискурса). Компетенция для сосуществования в Европе означает гораздо больше допуск себя к многозначным ситуациям в сфере телесной коммуникации, так

⁷ Возможно опциональное расширение в виде практики и регулярного учебного семестра в стране – автор.

⁸ Вернакулярный (лат.) значит «обыденный, местный, простой, народный».

⁹ Т.е. изучаемые иностранные языки.

¹⁰ Нострификация — это анализ документов об образовании, выданных за границей, на предмет их соответствия российским нормам и законодательству.

¹¹ elaboration (англ.) – детализация, разработка, совершенствование): конспектирование, подбор примеров, сравнение, установление межпредметных связей, использование дополнительной литературы.

как европейское жизнеощущение не является сетью констелляций, поддающихся произвольному переключению.

Вначале педагогическая команда кураторов организует в соответствующей стране общие довербальные ситуации (подвижные игры, пантомиму, общее пение, говорение хором и т.д.) по образцу преподавания с использованием инсценировок и постановок. Общие, спонтанно возникающие ситуации становятся базой для телесной коммуникации и эмоционально насыщенной атмосферы. Общее, ежедневно повторяющееся сосуществование требует взаимной надежности, симпатии и доверия, пока, наконец, в обогащенных ситуациях не возникнет настоятельная нужда в экспликации с помощью речи. Европейские студенты находятся при этом в ситуации, сравнимой с ребенком, который появляется на свет, барахтается в многозначных впечатлениях и постепенно устраивается в окружающих ситуациях. Язык, приобретаемый студентами в жизненной практике, выделяется как «родной» благодаря аффективному участию. Поэтому лингвист Юрген Трабант говорит о «языке-брате». Благодаря общению в группе участников складываются условия, вживляющие европейские ситуации, которые пунктуально навязывают очевидность: *это относится ко мне*.

Прозрачность речи в ситуативном начале является предпосылкой для телесно-герменевтической сенсбилизации, чтобы путем констелляций постичь значимость ситуаций, которая извлекается из осмысленной речи. Адекватно откликаться на многозначные ситуации и затем, дистанцируясь, давать себе в этом отчет, означает претенциозную позицию, которую можно приобрести, испытывая неудачи. То, что путем повторений приобретается в европейских учебных группах, может стать опорой для контакта с представителями принимающей культуры. Тогда это, например, уже не итальянка, встретившаяся в Сегеде с венгерским собеседником, а студентка, обладающая повышенной чувствительностью благодаря прививке европейских ситуаций, которая руководствуется телесной коммуникацией и умеет использовать эмоциональную сферу. Допустить, чтобы тебя захватили или коснулись коллективные чувства принимающей страны, это значит: расширить свое исконное аффективное пространство, способное на отклик. Это случай креативности *par excellence*¹², когда импликация другого стиля европеизации запускает в личной ситуации участника процесс секундарного эпигенеза¹³ личности.

¹² (фрц.), т.е. преимущественно, по преимуществу

¹³ Эпигенез (др.гр.) - учение о зародышевом развитии организмов, в ходе которого происходят последовательные новообразования органов.